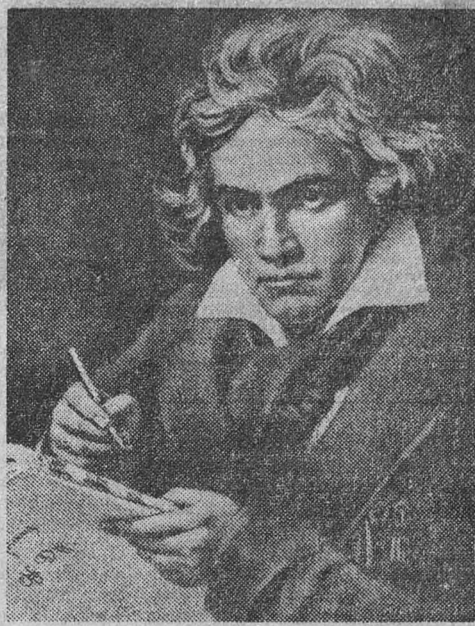

ДЕСЯТАЯ СИМФОНΙΑ БЕТХОВЕНА

КАК ЖАЛКО, — ведь этого никто не знает, никто не умеет! Как жалко... — умирая, сто пятьдесят лет назад, великий человек думал о своем призвании и долге, о том, что еще надо, что следовало бы сделать художнику. Он думал о будущем.

В час его смерти внезапно разразившаяся, очень редкая в этих местах в такую пору снежная с градом буря стучала в стекла старого венского дома — «так судьба стучится в дверь». Прикидываясь знаменитой грозной темой из Пятой симфонии, буря крутила снежные водовороты в потемневшем небе, злобно сверкала кривыми лезвиями молний, — она решилась одолеть Мастера, отомстить за то, что он тогда одолел ее, судьбу, там, в Симфонии.

И Мастер почувствовал это. Собрав силы, он привстал на своем ложе и, вытянув руку, погрозил буре кулаком. Он не желал сдаваться и, падая, еще успел увидеть, как в разрыве черных облаков сверкнул луч солнца...

Так закончил свои земные счета Людвиг ван Бетховен. Умирая, он размышлял о Десятой симфонии, которую собирается написать.

«Дальнейшее — молчание», — говорит нам благородными устами любимейшего своего героя Шекспир. Бесконечна печаль в этих гордых словах, пронзенного смертельным ударом шпаги, Гамлета, принца датского. Но, нет, не молчание следовало тихой тенью за Мастером, а Музыка. Великая, бессмертная, воспламеняющая разум и успокаивающая душу, зовущая к мудрости и страсти, благословляющая любовь, воспеваящая верность и отвагу, открывающая нам необозримые горизонты духа и объявляющая безмерность пространства и времени музыка. К ней, как живительному источнику, припадает страждущая душа; она исцеляет тех, кто ослаб в превратностях жизненной борьбы, она прославляет павшего в борьбе Героя и зовет к подвигу живых. Это музыка, похожая на огненный поток в гранитном русле.

В ГРАНИТНОМ русле... Взгляните в лицо Бетховену, взгляните в его портреты, в его посмертную маску, в любые его прижизненные изображения. Гранит!... Грубые, будто высеченные в камне черты, массивный, мощный лоб, плотно сжатые губы, сильный, мужественный подбородок. И глаза, сверкающие огнем из-под густых, разрезательных бровей. Это в нем, в его душе, сердце, мозгу пылала жаром нечеловеческая по силе и такая человеческая музыка, бушевала вулканическим потоком и извергалась в мир всю его жизнь, до самого конца, до последнего вздоха.

Его верные друзья, свидетели его жизненной борьбы и его последних дней, утверждают, что все чувства, все события, все картины природы, все удары судьбы отражались в нем потоками звуков, переплавались в бережущие душу и возвышающие мысль аккорды, становились поразительными по силе образами. Вслушиваясь в себя, он внимал великой Музыке.

Жестокая глухота крепостной стеной отгородила его от звуков внешнего мира, одновременно до боли обострив его внутренний слух; врачи подтверждали, — он все время слышал смятенные голоса скрипок и ликующий звон колоколов, ему неотступно чудились гулы морских ураганов и грохот грандиозных битв, божественные хоралы и дьявольский хохот. Они причудливо переплетались в его сознании, непокорной горячей кровью стучали в висок.

Так было и в самые последние дни и часы его жизни. Собственно, все три месяца 1827 года — январь, февраль, март — были долгой мучительной агонией. В измученном болезнями теле боролся могучий дух; можно только догадываться о том, какие противоречивые этапы переживала эта борьба. Болезнь не была внезапной, первый зловещий удар судьбы — начало развития глухоты, самого страшного, что можно только ждать музыканту, постиг Бетховена в пору, когда он едва перешагнул порог двадцатипятилетия. Болезнь прогрессировала, к ней прибавилось много других страданий, телесных и душевных; нет смысла гадать, какие были более тяжкими. Куда важнее хорошо представить себе, что все самое главное — от

«Аппассионаты» до «Торжественной мессы», от героической оперы «Фиделио» до величайшей из симфоний — Девятой, он создал в муках.

«Несчастья преследовали его», — так принято говорить в подобных обстоятельствах. По отношению к Бетховену это пошлая фраза. Судьба избрала его героем великой человеческой трагедии, она швырнула в него все камни превратностей, какие могла измыслить, она кидала его на самое дно бездны, где тоска и печаль сгущались беспросветным мраком. Она испытывала его.

Это общеизвестно — и это не укладывается в сознании: величайший из музыкантов не имел порою куска хлеба на обед, не в переносном — в буквальном смысле слова. Но это легчайшая из невзгод. А чем измерить глубину нравственных мук: неблагодарность родных, чванливая тупость вельмож, нападки угрожающей вкусам знати музыкальной критики, непонятное, похожее на предательство холодное молчание Гете, неверность закадычных друзей, так больно ранящие сердце измены любимых, одиночество, страшное, неотвратимое одиночество... Это не полный перечень, но этого достаточно.

«ИЗ ГЛУБИНЫ» этой бездны скорби Бетховен задумал воспеть Радость». В этой трезвой, справедливой формуле сконцентрирован высший смысл жизни Бетховена — человека и художника. Его земное существование стало не только летописью неимоверных страданий и великого труда. Тернистый путь, пройденный им, открыл новые, заповедные горизонты, остающиеся невидимыми для благополучного, счастливо заблуждавшегося жестоких ударов судьбы, беззаботного путника. Сверкаяющие горные вершины открывались цепь за цепью внутреннему взору Мастера. Исчезала, рассеивалась в пространстве горькая дымка бесконечных земных невзгод и пустой житейской суеты. Отодвигались, уходили в небывшие злосчастные обиды, козни завистников, приступы мстительных воспоминаний. Путь на Голгофу становился дорогой смелого восхождения, дорогой счастливых открытий и знаменательных побед. Он высветил для художника величие революционного Идеала, всю притягательность, насущность, необходимость движения человека к Свободе и Радости.

В бликах этого света — пламя знамен великой французской революции. «Обнимите, миллионы!» Этому идеалу, этой великой гуманистической идее Бетховен отдал все силы, всего себя.

Всего себя? Сам он так не считал. Не тешил себя сладостным сознанием собственного величия. Не думал, что сделанного достаточно, что в конце концов сделал он больше, чем кто-либо другой. Не ждал высочайшего дарования титулов и наград, не искал благорасположения тех напыщенных сиятельств и императорских высочеств, которым вполне впору была бы «лошадина музыка», любящая традиционная банальность.

Вспомним: умирая, он размышлял о ненаписанной Десятой симфонии. А за плечами была Девятая — бессмертное чудо музыки, величайшая из когда-либо, до или после, вплоть до наших дней, написанных симфоний. Творение философа и поэта, гигантское по охвату тем, образов, представлений о мире и человеческих страстях, полифонически красочное, подвижное, живое в резкой смене настроений, тональностей, ритмов, в переходах от сумрачной неторопливости к хорошему веселью, от углубленного размышления к страстной патетике, космическое по масштабу мысли и чувства. И — как последняя ступень в ракете межпланетного броска — мятежная шиллеровская ода «К Радости», венчающая симфонию, грандиозный, неслыханный до того финал, вулканический всплеск возвышенных, героических чувств:

Братья, в путь идите свой,
Как герой на поле брани...
Слейтесь в радости одной!

Великая Девятая стала духовным завещанием Людвигу ван Бетховена человеческим поколениям. Она была создана будто на одном дыхании, — такова сила цельности, устремленности этого произведения. Она вся — вдохновенный порыв, взлет в поднебесную синь. На самом деле она

была итогом великой жизни, глубоко продуманным, выношенным, философским выводом могучего художника. Его посланием в Будущее.

Удивительно ли, — с первых дней Великого Октября, во время самых торжественных, самых значительных событий в жизни Советской страны в ее главных концертных залах, на общественных форумах звучит бессмертная Девятая симфония, грандиозный революционный гимн, так созвучный героическому пафосу нашей эпохи.

ИСТОРИКИ искусства часто сравнивают полную страданий и подвигов жизнь Бетховена с жизнью другого великого страстотерпца, гениального Микеланджело. И в самом деле — здесь много сходства. Но, скорее, не столько в судьбе или характере, сколько в творчестве. В его главной теме: возвышении Человека, защите Добра, противостоянии злобе, несправедливости, лжи.

Могущественны и свирепы чудовища зла. Но только один путь — борьба с ними следует избрать человеку. Человеку, достойному этого высокого имени. Человеку — герою, каким его изображал в своих гениальных фресках и скульптурах великий флорентинец, титан Возрождения. Человеку, наделенному всевидящей, всепонимающей, непреклонной силой разума и воли. В духовной мощи бетховенской музыки, в бушующей плазме его сонат, квартетов, симфоний рождаются запово великаны Микеланджело.

Умирая, Бетховен думал о Десятой симфонии... Что хотел он оставить нам, потомкам, что еще почитал долгом своим высказать? И может ли даже бетховенский гений, пользуясь доступными человеку созвучиями, возвестить нечто, более сущностное, более необходимое людям, чем уже высказанное в великом откровении Девятой?

Вряд ли мы сможем когда-нибудь с однозначной ясностью ответить на этот вопрос. Но вправе предположить: вот что хотел, вот что стремился сказать нам Бетховен. Не только потому, что мы знаем, благодаря поздним разысканиям, что он успел приступить к работе над симфонией. И не потому даже, что до наших дней дошел план-набросок Десятой: всего несколько отрывочных строк. А потому, прежде всего, что в своем творчестве после вершинной Девятой симфонии Бетховен, больной, смертельно раненный лев, не укротил ни темперамента, ни клочущей силы воображения, ни страстного стремления искать и находить.

Только что закончив два крупнейших произведения — «Торжественную мессу» (ее первое исполнение состоялось в России) и Девятую симфонию, он сразу же приступает к новым. Между тем, «судьба стучится в дверь!» Бетховену остается два-три года жизни, и он, уже понимавший свою обреченность, создает — один за другим — целую плеяду поразительных по силе чувствований, по глубине мысли, ослепительных в технической отточенности и мелодическом богатстве струнных квартетов. Он совершает последний подвиг: перед началом агонии передвигает финал одного из квартетов — Тринадцатого. Этот новый финал следует за трагической исповедью каватини; тучи развевая, финал искрится неукротимой фантазией, светлым, радостным чувством жизненной силы, из сокровеннейших глубин души Бетховен черпает неврастращенную бодрость, остроумие, веселость, искреннюю радость жизни. Скорбь преодолена, скорбь переплавлена в силу!

ВОТ КЛЮЧ к тайне Десятой симфонии: это горная вершина, устремившаяся из мрака ущелий к Солнцу.

Это жизнь человеческая. Чудо жизни. Радость созидания. Творчество.

Это вся — до последней записанной слабеющей рукой ноты — музыка Бетховена. Ленин сказал о ней: — я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

В дневнике Бетховен писал о себе в третьем лице: «он смутно чувствует, как далека его цель, и в то время, как другие, быть может, восторгаются им, он сожалеет, что не достиг еще...» Он ошибался: цель достигнута. Его музыка высекает огонь из души человеческой.

Гр. ОГНЕВ.